

В 2015 и 2016 годах в журнале «Подъём» и альманахах «Истоки» и «Воронежский простор» были напечатаны мои очерки об известных воронежских археологах и историках, профессорах ВГУ Анатолии Захаровиче Винникове и Анатолии Дмитриевиче Пряхине — «Главная тема жизни — славяне...» и «У меня всё, что начинается, никогда не заканчивается...».

И я хотел бы рассказать еще об одном мэтре воронежской и российской археологии — докторе исторических наук, заслуженном работнике высшей школы Российской Федерации, человеке, создавшем собственную, авторитетную во всей стране археологическую школу и 20 лет возглавлявшем кафедру Отечественной истории Воронежского государственного педагогического университета Арсене Тиграновиче Синюке.

Увы, прошло уже пять лет, как Арсена Тиграновича не стало. Последний год жизни он тяжело болел, перенес сложнейшую операцию, и все родные, близкие, многочисленные коллеги, друзья, бывшие ученики надеялись, верили в выздоровление, но...

Но чуда не произошло. 12 ноября 2012 года сердце Арсена Тиграновича остановилось.

Нижеследующий материал на две трети был написан, когда Арсен Тигранович еще был с нами; незадолго до того скорбного дня я последний раз заходил к нему — что-то переспрашивал, уточнял...

И сегодня, вспоминая Учителя, я решил: не стану ничего менять в тексте, переиначивать, переводить в прошедшее время — п у с т ь б у д е т т а к...

Признаюсь — не люблю громких фраз, но слова, вынесенные в заголовок, — абсолютно искренние, от самого сердца.

А еще никогда не склонен был «творить себе кумиров», и, не считая родителей, людей, которые стали для меня

непререкаемыми авторитетами — морально-нравственными, профессиональными, просто «человеческими», боюсь, наберу за всю жизнь меньше, чем пальцев на руке. И один из таких людей — да нет, не «один из», а первый — Арсен Тигранович Синюк.

Я понимаю, что в признании таком совсем не оригинален. Наверняка сотни, если не тысячи бывших студентов Арсена Тиграновича могут сказать то же. И в этом великое счастье и наше, и его самого — ну редкий, согласитесь, очень редкий случай, когда бывшего преподавателя помнят и любят сотни и тысячи его учеников — годами и десятилетиями!

Первое впечатление об Арсене Тиграновиче (на первой у нашего курса лекции) — могучий бородатый красавец, точно сошедший со страниц книг Казанцева, Немцова, Ефремова герой — ученый, путешественник, исследователь. И первое то впечатление в дальнейшем только крепло и подтверждалось. И всё здесь было одно к одному: и сами предметы, которые вел Арсен Тигранович, — вспомогательные исторические дисциплины, археология, этнография, Древний Восток, — и, главное, — его личность: необыкновенно порядочного, сдержанного, доброжелательного, ну а что умнейшего и образованнейшего, так это само собой разумеется, человека.

Он родился 22 октября 1939 года в Ленинграде — бывшем и нынешнем Санкт-Петербурге. В родословной кровей понамышано изрядно: дед по отцу — армянин, бабушка — из псковских крестьян; мамин, Веры Григорьевны, отец — Григорий Антонович Маляцинский, польский дворянин, кавалер Золотого Георгия 4-й степени, получал которого он, кстати, вместе с моряками-офицерами легендарного крейсера «Варяг». Предки Арсена Тиграновича по маминой линии — питерцы с середины XIX века. Один же из них, Кузьма, так вообще просто тургеневский персонаж: огромный и молчаливый, как Герасим в «Муму», он был привезен из деревни барыней в ее санкт-петербургский дом...

— ...Из воспоминаний детства, — говорит Арсен Тигранович, — самое, конечно, незабываемое и страшное — война... Я хоть и совсем маленький был, но помню, как, когда кольцо фашистской блокады Ленинграда захлопывалось,

отец успел буквально вихнуть нас с мамой в последний шедший на «большую землю» по Ладоге пароход. Там целый караван судов был, и все остальные немцы разбомбили. А над нашим пароходом фашистский самолет долго кружил, но почему-то не стрелял и бомбы не бросал — может, боезапас кончился. Покружил-покружил — и улетел.

Ну а мы с мамой в эвакуацию попали в Пермь. Там жили до конца войны, в 45-м вернулись в Питер. Но так случилось, что родители развелись, и мама на время оставила меня на попечение бабушки. И школ же я поменял!.. 1-й класс окончил в Мурманской области, 2-й — 4-й учился в Питере, 5-й — на Украине, 6-й — 10-й — в Восточном Казахстане. Потом вернулся обратно в Питер, пошел работать; трудился токарем, грузчиком-такелажником, окончил автокурсы...

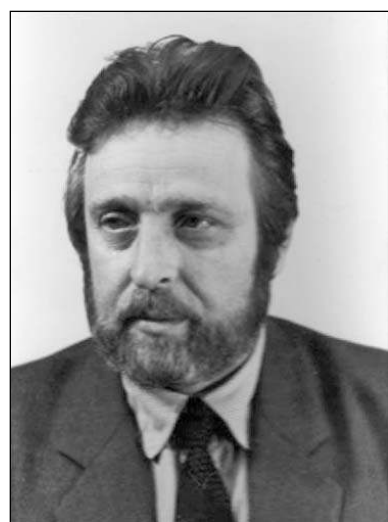
В 1958 году Арсена Тиграновича призвали в армию. Сначала он служил в автоторе в Карелии, а в 1960-м, в рамках освоения целины, был сформирован автотобат, который отправили в Казахстан. Но в 61-м часть, где «целинничал» Арсен Тигранович, расформировали, и (вот ирония судьбы!) дослуживал он в родном Ленинграде. И — очень интересовавший автора этих строк вопрос: как, ну как и почему паренек с, в общем-то, рядовой и типичной для его ровесников того времени, недолей еще биографией стал в конечном итоге одним из ведущих археологов страны?

— А «виной» тому, — говорит Арсен Тигранович, — книги. Я с раннего детства был страстным, безумным книголюбом. К десяти годам проглотил всего Чехова, Куприна, многих других классиков. Но, можно сказать, судьбоносное событие произошло в 13 лет — я прочел книгу «На раскопках древнего Хорезма», и всё, — «пропал». Так ею увлекся, что твердо определил себе цель: обязательно стану археологом!.. И друг мой был такой же любитель книг. Мы оборудовали чердак — наше «лежбище» — и там читали все, что только попадалось в руки, от Вальтера Скотта до Вячеслава

Шипкова. Но я теперь не мог читать то, что, как говорится, навязывали. При-знаюсь: «Война и мир» — через не хочу. А вот в 40 лет перечитал всего Толстого и Достоевского, и, знаешь, я лично Достоевского ставлю выше... Ну, и вот таким вот образом книгочейство вводило меня в область открытий вообще и археологии и истории в частности. А вскоре после моей демобилизации из армии маму с отчимом по работе перевели в Воронеж. И я приехал сюда вместе с ними. Приехал — и сразу просто влюбился и в сам город, и в Дон-батюшку...

Итак, в 1961 году Арсен Тигранович поступает на исторический факультет Воронежского государственного университета и уже на первом курсе становится старостой археологического кружка, руководила которым Анна Николаевна Москаленко (А.Н. Москаленко (1918–1981) — историк, педагог, доцент кафедры истории СССР ВГУ. Организатор и руководитель археологических исследований по древней истории Воронежского края, в первую очередь — ранней истории донских славян. Автор более 70 научных работ, в том числе книг «Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона» (1955), «Городище Титчиха: из истории древнерусских поселений на Дону» (1965). — Ю.К.). Кстати, другие будущие светила воронежской археологии, Анатолий Пряхин и Анатолий Винников, тоже были еще студентами, учась соответственно на пятом и третьем курсах. Впоследствии с Анатолием Винниковым Арсена Тиграновича свяжет искренняя, крепкая дружба на всю жизнь. А тогда Винников и Синюк, помимо учебы, еще и работали (на полставки каждый) лаборантами кабинета археологии при историческом факультете.

В 1966 году Арсен Тигранович окончил университет и по распределению стал преподавать историю в школе р.п. Стрелица, создав в поселке краеведческий музей, а в школе — археологический кружок. Именно в то время он приводит первые самостоятельные ар-

А.Т. Синюк

хеологические исследования. Затем — работа научным консультантом в Воронежском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где Синюк организует секцию археологии и начинает широкомасштабную работу по паспортизации археологических памятников нашей области. Далее он — старший научный сотрудник в Воронежском областном краеведческом музее, возродивший музейные археологические экспедиции.

Объектом тщательнейших исследований стала Чертовицкая стоянка эпохи неолита (новокаменного века) на реке Воронеж. А когда на территории будущего водохранилища начинает работу совместная экспедиция Института археологии Академии наук СССР и ВГУ, Арсен Тигранович проводит исследования памятников эпохи камня и энеолита (медно-каменного века). Тогда же он завершает работу над кандидатской диссертацией «Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону», которую успешно защищает в Институте археологии АН СССР в 1971 году. И после этого, к счастью и для меня, и для всех моих сотоварищей по истфаку самых разных лет и десятилетий, Арсен Тигранович приходит преподавать в Воро-

нежский государственный педагогический институт (ныне — университет).

— ...А кстати, в пединститут, Юра, я попал в каком-то смысле случайно... — Мой собеседник на миг задумывается. — В 71-м году пригласили почитать курс археологии; сначала был, так сказать, почасовиком, но, наверное, руководству понравился — и предложили работать постоянно. Согласился и перешелся в «пед» из областного краеведческого музея. Знаешь, не сказал бы, что археология тогда в институте процветала. И потому помимо преподавательской работы стал вести археологический кружок, возобновил полевые экспедиции, со временем создали музей. Сначала, помнишь сам, он ютился в «Сорбонне» (так много поколений студентов и преподавателей в шутку называют старинный двухэтажный домик рядом с главным корпусом ВГПУ. — Ю.К.). Потом, уже действительно настоящий музей, с учебной аудиторией, сделали в главном корпусе университета...

Слово коллеге и другу Арсена Тиграновича профессору ВГУ А.З. Винникову: «Археологическая экспедиция ВГПУ, которой в течение всего периода ее существования руководит А.Т., стала мощным научным коллективом, ведущим огромную исследовательскую работу на территории Воронежской и смежных областей. Я имел возможность ознакомиться практически со всеми памятниками, какие им исследовались: Власовские и Павловские курганы, Мостищенское городище, Черкасская стоянка и многие другие. Нередко бывал и он у меня в экспедициях: Белогорские городища и могильники, Маяцкое селище, Животинное городище и другие. Были и совместные экспедиции. Я очень многому учился у А.Т. Он умеет великолепно «читать» культурные слои, стратиграфию насыпей курганов. Возьму на себя смелость утверждать, что среди воронежских археологов (да может, и не только воронежских) он лучше любого способен понять и разобраться в хронологической чередке погребенных в самых запу-

танных и сложных курганах, содержащих порой не один десяток разнокультурных погребений. В этом я неоднократно убеждался сам, пребывая в экспедициях у Арсена Тиграновича и восхищаясь его умением досконально и точно разобраться в самых непростых и запутанных вопросах полевого исследования памятников».

Кстати, я, уважаемые читатели, со своим пусть и истофаковским, однако же все равно, конечно, дилетантским подходом к археологии, задал Арсену Тиграновичу, быть может, не вполне корректный вопрос:

— Но почему вы занялись именно неолитом и энеолитом? Ведь есть же скифы, сарматы, аланы, славяне, хазары, готы с гуннами, наконец. Как-то это выглядит более интересно, романтично, что ли. Да и находки ярче, эффектнее.

Арсен Тигранович покачал головой:

— Никогда, Юра, я не гонялся за внешними эффектами... Неолит же в донской археологии был тогда настоящей «терра инкогнита», а уж неолит, энеолит и эпоха бронзы на Среднем Дону — просто чуть ли не сплошным «белым пятном». Но именно в те времена (V–II тысячелетия до нашей эры) Центральная и особенно Восточная Европа являлись тем гигантским «плавильным котлом», в котором, бурля и перемешиваясь, выкристаллизовывались будущие индоевропейцы, в том числе и арии. Так что путь к твоим скифам, сарматам, аланам, славянам, готам и «прочим немцам» как раз и шел от позднего неолита, через энеолит ямников и «бронзу» катакомбников и срубников. Ну да, там не найдешь ни роскошных золотых кладов (хотя достаточно простые изделия из золота и меди уже появляются), ни изысканных ювелирных украшений, воинских доспехов и грозных мечей, добрых, к примеру, сарматским, но я, повторюсь, никогда не хватался за уже наработанное — я искал неизведанное...

И знаешь — мне везло, я страшно везучий! Открыл много новых памятников (немало было совместных экспедиций с Институтом археологии Акаде-

мии наук СССР, позднее — РАН). И меня до сих пор никто не обогнал ни по количеству, ни по качеству исследований донских курганов энеолита и эпохи бронзы. Эталонными в этом смысле стали 3-я Университетская стоянка, Черкасская...

О — Черкасская!.. Простите за эгоистический пафос, уважаемые читатели, но автору этих строк посчастливилось быть одним из тех студентов, новоиспеченных второкурсников, только что сдавших свою первую летнюю сессию (1979 год), кто поехал с Арсеном Тиграновичем на археологическую практику в село Черкасское Павловского района — начинать «копать» будущую одноименную стоянку эпохи неолита-энеолита (V–III тысячелетия до новой эры).

Погода — прекрасная! Яркое солнце, голубое небо, живописная природа с чистой рекой Битюг, песчаное дно которой (по крайней мере, в том месте, где мы копали) было просто усеяно фрагментами керамики (а попростому — черепками от горшков и прочей посуды) салтово-маяцкой культуры — аланы, болгары и т.п. Патриархальное село, доброжелательные жители с малороссийским говорком...

Нас поселили в школе: девочек — в спортзале, ребят — в палатках, поставленных в школьном саду. Арсен Тигранович оперативно решил все организационно-хозяйственные вопросы экспедиции, связанные в основном с питанием и рабочим инструментом... Да, а еще для хозяйств председатель колхоза выделил нам «транспорт» — лошадей с телегой. Сначала Капкана, но тот был страшно злой, кусался, и Капкана заменили на добрую, покладистую Машку, на которой мы иногда даже ездили в магазин, да и порой просто дерзко «гарцевали» по селу.

Ну и приступили к делу: Арсен Тигранович определил место будущего раскопа; мы понатягивали, где он указал, веревочек, разбили весь участок на квадраты и взялись за лопаты: копа-

ли плоско, на глубину штыка, пробивая кое-где контрольные шурфы примерно в человеческий рост. Здорово было! Интереснейшая работа — да впрочем, ее и работой-то не назовешь. Пошли первые находки: не сказать чтобы густо, в основном фрагменты керамики, однако вот помню, что Володя Стрыгин нашел каменный топор, а Саша Бураков — искусно вырезанный из кости небольшой гарпун.

Работали действительно весело, задорно; здесь же и купались — прыжок с края раскопа, и ты уже, весь в брызгах, в Битюге. А по вечерам — ужин, костер, песни под гитару. И над всем этим великолепием царил Арсен Тигранович, иногда и сам бравший инструмент в руки и исполнявший своим негромким, но проникновенным баритоном две-три песни. Ну а потом — отбой: по палаткам, «по пещерам»! Спасибо во всем, дорогой Арсен Тигранович, за то замечательное лето!..

— В 1985 году, — продолжает мой собеседник, — я защитил в специализированном совете Института археологии АН СССР докторскую диссертацию по теме «История населения Донской Лесостепи в V–II тысячелетиях до н.э. (неолит — энеолит — бронза)». В 80-е — 90-е издал несколько обобщающих работ: «Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский могильник», «Население бассейна Дона в эпоху неолита», «Бронзовый век бассейна Дона». Вместе с Толей Винниковым выпустил научно-популярную книжку по археологии Подонья «По дорогам минувших столетий» (позднее переиздали ее под названием «Дорогами тысячелетий»). Еще я был одним из авторов учебного пособия по археологии в помощь школьному учителю, пособия по энеолиту восточноевропейской лесостепи. В 2007 году в соавторстве с Юрием Матвеевым выпустил книгу «Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных могильников)».

Всего же у меня более 130 научных публикаций, и есть, помимо прочего,

одна работа, которая в свое время, в начале 2000-х, вызвала изрядное брожение умов. По заказу Территориального управления Министерства культуры РФ по сохранению культурных ценностей в городе Воронеже я составил каталог археологических находок с указанием их стоимости. Очень неоднозначную это издание получило оценку. Одни сочли его «вредным», а другие, к примеру, новосибирцы и питерцы, — горячо поддержали, в плане того, что это первая ласточка в борьбе с «черной» археологией, работа на опережение. От моего каталога, кстати, был в восторге сам директор Эрмитажа Пиотровский. Нет, ну ситуация с археологическим «черным рынком» действительно угрожающая. Вот пропала, к примеру, из музея в Костенках «палеолитическая Венера» (или даже две). Ее цена — миллион долларов, а всплыла она в итоге у частного коллекционера, некоего шведа.

Как говорится, без комментариев...

Студенты Арсена Тиграновича — уже упоминал об этом — просто обожали. Что же касается «остепененных» собратьев по цеху...

— Я всегда очень уважал и уважаю коллег и оппонентов, — говорит он. — У меня среди археологов много друзей и добрых товарищей по всей России и не только России. Терпеть не могу лезть в какие-то распри, а уж самому затевать их, плести интриги — это вообще не про меня, не так, милостивые государи, воспитан. Хотя, бывало, некоторые типы и пытались меня замарать... Но знаешь, в конце концов моя позиция всегда оказывалась верной. И научная, и человеческая.

Самый близкий друг, конечно, Толя Винников. Он просто как член семьи, его и мама моя очень любила. Витя Килейников (декан гуманитарного факультета ВГПУ), Сережа Гапочка, Валера Березуцкий (доценты кафедры истории России), другие ребятки, воспитанники мои... А знаешь, мне в свое время посчастливилось работать с Петром Дмитриевичем Либеровым. Мы с ним раскапывали курганные могильники в

районе Павловского гранитного карьера, неолитические стоянки в зоне Воронежского водохранилища. Замечательно тогда работали! Очень добрые отношения связывали с известным украинским археологом Дмитрием Яковлевичем Телегиным, хотя позиции на тот или иной вопрос частенько и разнились. Дружил с Николаем Яковлевичем Мерпертом, Олимпиадой Гавриловной Шапошниковой, главным археологом Эрмитажа Натальей Кирилловной Качаловой. А Олимпиада Гавриловна, старенькая уже, бывало, специально приезжала послушать мои доклады или на защиты диссертаций моих учеников, которых, в процессе защиты, порой приходилось довольно жестко отстаивать. И Олимпиада Гавриловна не раз импульсивно восклицала: «Ну, Арсен Тигранович, за своих ребят ты — тигр!..»

А знаешь, что еще удалось сделать? Путем сопоставления результатов раскопок курганных комплексов энеолита (IV—III—II тысячелетия до нашей эры) — с четко определенными по наборам инвентаря захоронениями не только простого люда, но и вождей, жрецов — с данными Ригvedы нарисовалась такая картина существования от Урала до Северского Донца мощнейших коллективов эпохи бронзы, что просто дух захватывает! И я написал... поэму «Восхождение к Памяти», которую, впрочем, вполне умышленно в подзаголовке назвал «исторической повестью». События, описанные в ней (естественно, в форме художественной реконструкции), относятся примерно к концу XVII века до нашей эры, когда в донской степи и лесостепи драматично переплелись судьбы племен донской абашевской, катакомбной и покровско-абашевской археологических культур. Вот так, брат, в этой повести слились воедино главное дело моей жизни — археология и любовь к поэзии. Сочинять же песни и стихи начал еще в семидесятые...

...До сорока я не писал стихов.

И после — только изредка, украдкой.

Не обзавелся и сейчас тетрадкой,

В которой бы имелась пара строф.

Случалось, у полного счастья
Под звездопад в твоём сознании где-то
Вдруг зарождается канва сюжета,
И сон нейдет до самого утра.

Слова родят мелодию. И вот
Я, сверх репертуара экспедиций,
Решаюсь новой песней поделиться
И не страшусь критических острот.

Друзья к моим стихам благоволят.
Лишь потому, что сами чувство это —
Рожденье в археологе поэта —
Имеют, но до времени таят.

А жаль. Какие строфы иногда,
Какие песни ищут адресата!
Вот бы издатель умный хоть когда-то
Собрал их вместе все, вот это да!

А я, доживши до волос седых,
Рискую, наконец, публиковаться.
И этими стихами, может статься,
Вслед за собой подвигну и младых...

А где-то в начале 2000-х, при случай-
ной встрече летом на пляже в Боровом,
Арсен Тигранович, даже, по-моему, не-
сколько смущенно, сказал:

— Юр, а я ведь издал в 97-м неболь-
шой сборничек лирики... Так-то, стар-
рик... И веришь, мне кажется, это и есть
самое главное из всего, что я написал в
жизни...

Потом был еще один сборник — «Пе-
рекрестки времен. Зарисовки археоло-
га», в который вошли в основном «ар-
хеологические» стихи и песни, а также
«историческая повесть» «Восхождение
к Памяти».

...Давно то было. До времен Гомера.
Задолго до сложенья первых саг.
Но уж белели города Шумера,
Кипел Египет в строках Ипувера...
Смывал Восток с обличья дикий мрак.

Вот здесь бы где-то и случись завязке,
Здесь провести с героями часы.
Но я впервые предаю огласке,
Что, право, было в яви, а не сказке —
В пределах среднерусской полосы!

Природный фон, знакомый нам до боли:
Река бо́льшая, называлась Дон.
(Дон по-ирански есть «вода». Не боле.
Но и тогда здесь жили на приволье
Индоиранских несколько племен.)
Кругом простор степного травостоя,
Кусты осин и островки дубрав...
И если б кто искал себе покоя

И выбрал это место для постоя,
То, как казалось, был бы только прав.
Но берегись, незванное кочевье!
Чужая степь не даст тебе приют:
Здесь лишь свои стада на попеченьи.
Вдруг будет им в кормах ограниченье?
Чужого иль прогонят, иль убьют...

Позже были подборки в университет-
ской газете «Учитель», в «Учительских
музах» — поэтических альманахах,
выпускаемых ВГПУ.

И вот...

И вот в один из недавних визитов к
Арсену Тиграновичу мы договорились
об издании, так сказать, «сводного»
сборника, хотя он и пожимал плечами:
«Да кому это, братцы, нужно?»

Мы же с моим «напарником» и со-
курсником Володей Стыгиным протес-
товали: «Что вы! Вы замечательный
поэт!»

Сделали набор. Арсен Тигранович
сам скомпоновал стихи по разделам, вы-
читал, и я забрал их на правку. Зная ис-
ключительную щепетильность Арсена
Тиграновича (издание же стоит денег),
мы держались как партизаны и ужами
уклонялись от ответов на вопросы об ис-
точнике финансирования будущей кни-
ги. А источников было два: родной пед-
университет (идею горячо поддержала
наша однокурсница, тогда проректор
ВГПУ Галина Иванова) и «метод народ-
ной стройки» — бросили клич в Интер-
нете, и многие из бывших студентов ото-
звались на этот клич, так сказать, руб-
лем. И вдруг...

И вдруг Арсену Тиграновичу резко
стало хуже. Еще недели три назад, ког-
да мы заходили с Сергеем Гапочкой, он
пошутил: «После тяжелой и продолжи-
тельной болезни... пациент, ребята,
взял да и выздоровел!» — и весело рас-
смеялся. А теперь...

В последнюю нашу встречу, 5 или
6 ноября, ему уже было трудно сидеть и
даже говорить. Я же, гад, приставал по
поводу обложки, а он только слабо ма-
хал рукой: «Сами, Юрочка, сами...»
«Может, какие-нибудь курганы?» —
«Курганы, Юрочка, курганы...»

А 12-го Арсена Тиграновича не стало...

Проститься с ним пришли очень много людей: все воронежские археологи, коллеги по педвузу, ученики, студенты. И знаете, мне показалось, что студентов прошлых лет было гораздо больше, чем нынешних, потому что хотя, разумеется, у нас было немало, в том числе и прекрасных преподавателей, но... Но именно «преподавателей», тогда как Арсен Тигранович (говорю за себя, однако уверен, что и за многих) был словно старшим товарищем, наставником, и в сферах далеко не только «исторических», а общечеловеческих: нравственных, мировоззренческих, эстетических и даже этических (ведь чего греха таить: «кадры»-то иные из нас были порой еще те).

И лишь позже, через годы после окончания института, я осознал, понял, что Арсен Тигранович — возможно, вовсе не ставя перед собой такой задачи, — делал из нас не только «историков». Он делал из нас людей...

И мы, Арсен Тигранович, низко кланяемся Вам за все то, что Вы сделали для нас, выпускников истфака Воронежского государственного педагогического института — университета.

Кому-то из нас Вы помогли стать историками и археологами. И всем, повторюсь, — людьми. Огромное Вам спасибо за это, дорогой Арсен Тигранович!

И последнее. Когда мы прощались — как оказалось, увы, навсегда — Арсен Тигранович слабым голосом попросил:

— Юр, ну если все-таки будешь что-то писать, обязательно скажи, как я любил Воронеж, Дон, наши реки, луга и степи... Скажи, что хоть сам по рождению и не воронежец, но...

Но я пророс любовью густо
Вот здесь, где к слогу пробужден,
Где разлохмаченные чувства
Мне глядят степь да тихий Дон,
Где мой нехитрый опыт нажит,
Где терпеливый мой очаг.
Где кто-нибудь когда-то скажет:
«Здесь похоронен наш земляк...»

...Я сказал: Арсен Тигранович, не волнуйтесь, пожалуйста. Я все сказал...

P.S. Низкий поклон и великая благодарность Валентине Степановне Синюк! На память об Арсене Тиграновиче она подарила мне его портфель и гитару.

И я хожу теперь на работу с уже «историческим» портфелем любимого Учителя, а по вечерам иногда негромко перебираю струны его гитары...

Еще раз огромное Вам спасибо, дорогая Валентина Степановна!..

